

КОРОНОВАННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

ФРАНЦИЯ И РЕФОРМЫ
НАПОЛЕОНА III В 1860^е ГОДЫ

✂ МАРИЯ УВАРОВА ✂



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Мария Уварова

**Коронованная демократия.
Франция и реформы
Наполеона III в 1860-е гг.**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2014

Уварова М.

Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. / М. Уварова — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2014

Книга посвящена одному из самых драматичных эпизодов истории Франции – либеральным реформам в период империи Наполеона III. Несмотря на важность их роли в истории страны, эти события были слабо изучены историками. Задача автора – проследить, каким образом авторитарная форма власти пошла на уступки демократии и адаптировала ее принципы. А также проанализировать ту особенность политического строя, которая была создана в ходе этих реформ. Для широкого круга читателей, интересующихся историей Франции, политических режимов, общественной мысли и социальной историей.

© Уварова М., 2014

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2014

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Либеральная идея и политическая традиция Франции	7
«Либеральная империя» в отражении архивов и исторических исследований	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мария Уварова
Коронованная демократия. Франция
и реформы Наполеона III в 1860-е гг.

© М. Уварова, 2014

© Издательство Института Гайдара, 2014

* * *

Идите во главе идей вашего века – эти идеи вас увлекут и вас поддержат, идите против них – они вас сметут.

Наполеон III

От автора

Когда-то эта книга задумывалась как попытка пролить свет на личность, судьбу и политическую деятельность последнего императора Франции Наполеона III, над фигурой которого до сих пор не до конца поднят занавес тайны и вокруг которого не утихают баталии историков. Этот человек и связанная с ним эпоха прошли путь от «Наполеона Малого» до «социалиста на престоле» – трудно удержаться от соблазна проследить, каким образом и почему оценка его правления совершала подобные кульбиты. Сила воли или сила обстоятельств – что делало таких правителей и их время? Признаться, мы не уверены, что найдем ответ на этот вопрос – как в данной книге, так и на более просторном исследовательском поле. Относительно Наполеона III историки предпочитали, как правило, роль биографов, выводили на передний план мысль и направляющую руку правителя. Нас же интересуют мысли и дела тех, кем он правил. Потому мы и решаемся наблюдать то, каким образом воля личности и воля обстоятельств встретились, вступили сперва в борьбу, затем в диалог и, наконец, дали жизнь одной недолгой, но невероятной форме общественной жизни. Именно на этой форме сосредоточено наше внимание. Эпоха реформ, когда пошатнувшееся здание монархии начало искать опору не в военной славе или дипломатических интригах, но в демократии. Другое дело – к лицу ли демократии корона и мантия.

Я выражаю благодарность тем, кто в той или иной степени и на разных этапах принял участие в реализации замысла этой книги. Прежде всего, это мой научный руководитель Елена Ивановна Федосова (МГУ), направлявшая в течение нескольких лет процесс моего исследования и помогавшая в конкретизации темы и методов работы с источниками. Среди моих учителей также профессор Александр Васильевич Ревякин (МГИМО), профессор Алла Сергеевна Намазова (Институт всеобщей истории РАН) и Андрей Юрьевич Смирнов (МГУ), делившиеся со мной своим опытом и корректировавшие мою работу. Эта книга увидела свет благодаря издателю Валериану Валериановичу Анашвили, проявившему интерес к проекту, взявшему на себя его практическое осуществление и сделавшему важные редакторские замечания. Мои французские коллеги, профессор Эрик Ансо (Университет Париж-I) и профессор Мари-Пьер Рэй (Университет Тулузы), оказали помощь в работе с архивными источниками во Франции, предоставили ценные методологические советы и библиографическую информацию. Вдохновляли и стимулировали процесс исследования мои друзья и коллеги – Александр Артемьев (МГУ), Иван Болдырев (Университет Гумбольдта, Берлин), Егор Гаврилов (Университет Sciences Po, Париж), Татьяна Левина (НИУ ВШЭ), Арсений Хитров (НИУ ВШЭ), Мария Юдсон (МГЛУ). Наконец, спасибо моим родителям и моему мужу Ивану, чья заинтересованность, критика и вера помогли мне преодолеть все затруднения на пути исследователя и повествователя.

Предисловие

Либеральная идея и политическая традиция Франции

Свобода. Это слово, которым мы так беспечно перебрасываемся сегодня, которое так прочно вошло в нашу повседневную речь, что стало едва ли не затасканным предметом обихода. В самом деле, садясь за руль автомобиля, мы даже не задумываемся о том, как еще столетие назад подобный способ передвижения потряс общество. Таков же был и путь понятия «свобода». Двести лет назад вокруг него разгорались войны, оно рушило человеческие судьбы, сметало одни государства и создавало новые; оно перекроило, перевернуло Западный мир не менее, чем весь научно-технологический прогресс. Франция – вот страна, где свободе выпали наиболее суровые испытания и которая восславилась ее громче чем все ее соседи; где именем свободы были совершены безумства, подвиги, созданы шедевры искусства, и где ее же именем, согласно последним словам Манон Ролан перед эшафотом¹, были совершены самые чудовищные преступления.

Изучение трудных путей становления французской свободы – задача амбициозная и чересчур обширная для данного исследования. Ведь в нем мы намерены ограничиться небольшими временными рамками и осветить всего лишь один из наиболее острых эпизодов испытаний, выпавших на долю свободы. Отметим ключевой момент: идея свободы и формы ее воплощения во Франции – процесс, безусловно, эволюционный, и сама идея свободы имела свойство гибко изменяться в соответствии с конкретными социально-политическими условиями.

В интересующий нас период – Новое время в Западной Европе – решающую роль в становлении идейной базы понятия «свобода» сыграла Англия. Можно сказать, она стала первым и главным экспортером на континент не только достижений промышленного переворота и научных открытий, но и наиболее передовых на то время идей². Английская революция середины – второй половины XVII в. не только нанесла сокрушительный удар по абсолютизму королевской власти, продемонстрировав торжество принципа народного суверенитета (посредством представительного парламентского правления); она прокатилась эхом по Европе – не в форме аналогичных социальных потрясений, но в виде новой системы ценностей, совершивших вторую интеллектуальную революцию после Ренессанса³. Идеи представительного правления, ограничения власти монарха, торжества гражданских прав и суверенитета нации нашли отражение в трактатах «отца» европейского Просвещения и либерализма Джона Локка⁴; позднее они распространились на другие европейские государства, в которых вопрос о взаимодействии власти и общества был поставлен не менее остро, но где система органов власти не была столь «демократичной», как в Англии, и требовала, с точки зрения мыслителей, глубоких преобразований. Таким образом идея о гражданско-правовом государстве составила основу европейского Просвещения. Во Франции судьба идей о гражданской свободе сложилась, пожалуй, наиболее драматично. Прежде всего, в этой стране сказывался сильный разрыв между формой правления и интеллектуальной жизнью. Франция в своем общественно-политическом развитии сильно отставала от Англии, до конца XVIII в. находясь в рамках абсолютизма с

¹ Манон Жанна Ролан де Ла Платьер, известная как мадам Ролан, хозяйка парижского литературного салона в 1770 – 1780-е гг., горячая сторонница революции, была казнена в 1793 г. по обвинению в связях с роялистскими заговорщиками.

² См.: Европейский либерализм в Новое время: Теория и практика. М., 1995.

³ См.: Берман Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994; о моделях и кризисах английского и французского абсолютизма см.: Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

⁴ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

сохранением древнейших феодальных порядков в политической и экономической жизни, в то время как Англия уже вступила на путь парламентаризма и промышленной революции. Поэтому, если английские мыслители скорее рассуждали в рамках уже сложившейся системы общественных отношений, то французские коллеги проектировали будущее – идеальное государство, которое должно было прийти на смену абсолютизму. «Фантастичность» такого мышления была впоследствии использована деятелями революции 1789 г. – то было величайшее их заблуждение, ибо ни один из просветителей не допускал революционного сценария смены власти⁵. Соседство высоких идеалов свободы, равенства и народного суверенитета с революционным террором и превращением принципа гражданской свободы в почти тоталитарную диктатуру явило собой нездоровую картину, ставшую кошмаром для нескольких поколений французов. Такое положение впоследствии, уже по завершении революции, в эпоху империи Наполеона Бонапарта и Реставрации, заставило мыслителей серьезно задуматься над вопросом о пределах свободы, о степени контроля государства над гражданской свободой, о форме правления, которая бы обеспечила свободу снизу, порядок сверху и согласие между всеми слоями общества⁶. В поисках компромисса между свободой и порядком возникло либеральное идейное течение, принципом которого стало взаимодействие свободы личности и гражданских прав. На тот момент оно (в лице Бенжамена Констана, Жермены де Сталь, Франсуа Рене де Шатобриана, Алексиса де Токвиля, Франсуа Гизо и др.) наиболее ярко отразило поиск Францией своего пути. В отличие от просветителей французские либералы первой половины XIX в. не были «фантастами»: они мыслили в рамках установившейся в стране системы отношений гражданина и власти – конституционной монархии. Конституционная Хартия 1814 г. и ее более либеральная редакция 1830 г. представлялись им идеальным лекарством от двух губительных болезней: абсолютизма власти и революционности народных масс.

Политические события XIX в. во Франции подтвердили и предсказали слова либералов: это эпоха беспрецедентного для страны поиска идеальной формы правления. С 1800 по 1871 г. страна переживает три революции и шесть вариантов политического режима: бонапартистская империя, почти абсолютистская реставрация Бурбонов, конституционная монархия Орлеанов, Вторая республика, Вторая бонапартистская империя и Третья республика. Вторая империя 1851–1871 гг. стала в истории страны периодом, максимально сконцентрировавшим все ее прошлые опыты, чаяния и противоречия ее путей. Бонапартизм середины XIX в., как и бонапартизм Наполеона I, отразил ту точку невозврата, в которой находилось французское общество: нельзя допустить ни революции, ни монархии, нужно строить новую систему, основанную на примирении всех социальных сил. Как никогда более громко в тот период заявили о себе все общественные группы. У них наконец-то появился свой голос, ибо один из уроков революции, усвоенный французской правящей элитой, состоял в необходимости учреждения представительного органа при монархе. В той или иной форме, с большими или меньшими ограничениями, но режимы Реставрации и Июльской монархии были парламентскими. Различные политические силы наконец получили легальную возможность высказаться, политическая жизнь ушла с улицы и интеллектуальных салонов в палату народных представителей. Соответственно и политические доктрины получили возможность развиваться, эволюционировать в согласии с изменениями условий социальной жизни и общественных настроений. Они, в отличие от Просвещения, стали более социальными, более реалистичными⁷. Просвещение созревало в замках и салонах, либерализм – в палате депутатов.

⁵ См.: Олар А. Политическая история французской революции. СПб., 1902.

⁶ См.: Фюре Ф. Постигание французской революции. СПб., 1998; Генифе П. Французская революция и террор // Французский ежегодник. 2000.

⁷ См.: Федосова Е. И. Либералы у власти // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

Все это отразилось и на специфике развития либерализма в эпоху Второй империи. Сложилась особая система взглядов, которая, будучи основанной на традиционных ценностях либерализма начала XIX в., в то же время сделала попытку адаптировать их к новым социально-политическим условиям. Опять же новый либерализм был связан с новой формацией политической жизни страны – приходом к власти Наполеона III, принявшего французское общество смятенным, усталым и почти отчаявшимся после революции 1848 г. Именно в ту пору либеральные идеи и власть вступают в тесное и продуктивное взаимодействие, нацелившись на преобразование всех сфер жизни общества. Результатом этого сотрудничества стали реформы 1860-х гг., воплотившие новые либеральные идеи.

Новый французский либерализм развивался параллельно новой наполеоновской идее. Она как никогда ярко отразила парадоксы исторического пути Франции и политического сознания французов. С 1789 г. страну потрясала навязчивая идея свободы, постоянно сдерживаемая страхом превращения ее в революционный террор⁸. 1793 г. прочно вошел в генетическую память нации. Санкюлоты-идеалисты продержались у власти недолго – переворот 9 термидора и последовавшие за ним Директория, Консульство и Империя доказали, что победу в ходе революции одержало все же «третье сословие» – буржуазия, свободная от сословных предрассудков, образованная, деятельная и прагматически мыслящая часть нации. Во многом именно ее идеологией стал либерализм – компромисс свободы и порядка, социальной гармонии и индивидуальной свободы. Век либерализма стал для Франции синонимом века буржуазии⁹.

Вплоть до 1830-х гг. либералы представляли собой оппозицию: сперва они обрушивались с критикой на режим Первой империи и «узурпатора» Бонапарта, позднее возмущались абсолютистскими поползновениями Карла X при Реставрации. И только июльская революция 1830 г. и восшествие на престол Луи-Филиппа Орлеанского привели либералов не только в парламент, но и к власти. Самим своим существованием Июльская монархия была обязана либералам во главе с Адольфом Тьером – не столько великим мыслителем, сколько расчетливым и умным политиком, понимавшим, что возвращение старого порядка и принципа божественного права короля отныне немислимы и приведут к новой гражданской войне. «Король-буржуа» Луи-Филипп в итоге предал чаяния своей социальной базы: сперва отказавшись провести избирательную реформу и снизить имущественный ценз для права голоса, затем совершив еще более роковую ошибку: невнимание к растущему рабочему движению, которое готово было нанести удар прежде всего по буржуазии. Последовавшая революция 1848 г. грозила закончиться социалистической республикой с невнятными иллюзорными целями, без яркого общенационального лидера, без объединяющей нацию идеи¹⁰. Французское общество было еще слишком молодо для полного самоуправления и тем более для диктатуры пролетариата. Как человеку в определенный период роста нужны родители, воспитатели и учителя, так и французское общество нуждалось в направляющей руке. На тот момент оно было подростком, подглядывавшим за жизнью взрослых и отчаянно бунтующим против родителей. В данной ситуации от «родителей» нации требовалась осторожность и глубокое понимание ситуации. Таким «отцом» стал первый президент Второй республики (и первый в истории Франции президент, избранный всеобщим народным голосованием) Луи Бонапарт. Совершив переворот 2 декабря 1851 г. и провозгласив себя императором Наполеоном III, своим воцарением не просто утолил свои личные амбиции и чаяния своих сторонников – он принес нации долгожданную передышку и программу, нацеленную на сплочение и стабилизацию общества. Обещано было всем – и буржуазии, и крестьянам, и рабочим. А затем – самое важное – выполнено.

⁸ См.: *Фюре Ф.* Постигание французской революции. СПб., 1998.

⁹ См.: *Федосова Е. И.* Либералы у власти // *Французский либерализм в прошлом и настоящем.* М., 2001.

¹⁰ См.: *Furet F.* La Révolution 1814–1880. Paris, 1988.

Целевой группой Луи Бонапарта была буржуазия, но, в отличие от Луи-Филиппа, он понимал, что благополучие этой группы и соблюдение ее интересов не будут прочными без поддержки всех социальных слоев¹¹. Для каждого из них будущим императором был заготовлен «поощрительный приз». Луи Бонапарт видел, что отныне движущей силой нации является средний класс – разные подгруппы буржуазии, от адвокатов, врачей и владельцев лавок до крупных финансистов, дававших ссуды королям. Этот класс он спас от угрозы социалистического переворота 1848 г. Спас активной экономической программой – впервые во Франции была полноценно введена политика экономического либерализма, идеи Адама Смита и Тюрго и «невидимой руки рынка» в противовес традиционному французскому протекционизму в духе Кольбера (из-за которого французская экономика не могла осуществить план «догнать и перегнать Англию» в течение полутора веков)¹². Спас он и крестьянство, которое как всегда больше всего страдает от революции, от нерешенных экономических проблем и стремится только к стабильности, к отсутствию роста налогов (что имело место в дни революции – именно по этой причине крестьянство отвернулось от нее, не говоря уже о том, что в 1790-х гг. основные очаги роялистского сопротивления Конвенту возникали именно среди крестьян) и возможности свободно обрабатывать свою землю и реализовывать ее продукт. Ведь революция 1848 г., нацеленная на социалистический переворот, полностью игнорировала проблемы деревни, в то время как крестьянство во Франции все еще оставалось самым многочисленным классом. Была у Луи Бонапарта и программа (хотя и не сразу приведенная в исполнение), касавшаяся материального положения, условий труда и прав рабочих: под влиянием трудов социалистов (Сен-Симон, Оуэн, Бланки) и того же Смита император понимал, что невнимание к материальным и политическим проблемам пролетариата грозит его режиму падением¹³. Наконец, всем сословиям император даровал главный «подарок» – всеобщее избирательное право и право референдума, ценнейшее, пожалуй, из наследий революции 1848 г. Какова бы ни была форма власти, но право граждан высказывать свое мнение о ней должно быть сохранено – это девиз нового времени, та норма общественной жизни, которой опасно пренебречь, особенно на волне недавно прокатившихся по Европе демократических революций, в ходе которых даже Пруссия, оплот консерватизма и абсолютизма, снизошла до конституции. Наполеон III, опираясь на изучение трудов передовых мыслителей современности и на собственные наблюдения и анализ ситуации, прекрасно осознавал сложившееся положение.

Столь быстрые смены режимов в стране могли сбить с толку приверженцев традиционных идей – таких, как либералы. Своеобразная смесь консерватизма и романтизма и неумение гибко реагировать на изменения в общественной жизни помешали либералам стать во главе революции 1848 г. и провести ее по более мягкому буржуазно-реформистскому сценарию¹⁴. Действительно перед нацией в итоге революции встала дилемма: либо социалистическая республика, либо новый диктатор на троне. Как воспринял эти перемены либерализм? Либералы-доктринеры эпохи Реставрации (во главе с Гизо) ушли во внутреннюю эмиграцию, меж собой осудив «выскачку и узурпатора». Более активно продолжали действовать их младшие коллеги-«орлеанисты» во главе с Тьером, негодовавшие не столько против узурпатора, сколько по поводу цензуры в прессе и запрета свободы собраний, а также сокращения политического плюрализма: в первые годы правления император запретил республиканские и социалистические общества, мотивировав это необходимостью умиротворить пыл общественных настроений. Фактически все оппозиционные силы были вытеснены с политической арены, правда, с оговоркой: в первые годы Империи либеральная партия, дискредитировавшая себя правитель-

¹¹ См.: *Смирнов А. Ю.* Империя Наполеона III. М.: Эксмо, 2003.

¹² *Anceau E.* Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008. P. 134.

¹³ Там же.

¹⁴ *Jardin A.* Histoire du libéralisme politique. Paris, 1987. P. 301.

ствами периода Июльской монархии и беспомощностью в дни революции, была крайне непопулярна среди избирателей; общество, жаждавшее стабильности и прогресса одновременно, доверилось бонапартистам.

Тем временем подрастало новое поколение либералов, которые, усвоив уроки 1848 г., избавившись от рыцарских иллюзий своих старших коллег и присмотревшись к бонапартистской доктрине, сошлись на том, что на данный момент эта форма правления для страны идеальна, но ее нужно уравновесить расширением гражданских свобод. Дискуссионным вопросом для этих либералов, как и для их предшественников, было соотношение свободы и порядка в обществе. Порядок – это авторитет императора и его образ «отца нации» (последнее было умышленно заимствовано из английского принципа монархического правления), помогающие спасти общество от революции. Но свободу новые либералы понимали уже более широко, чем их предшественники; их занимал не только вопрос о форме правления и степени ограничения власти монарха, но и более острые вопросы – гражданские свободы, положение разных классов, в том числе и рабочего. Либерализм, таким образом, на удивление динамично изменился в связи с новой реальностью. Принципы этого «социального» либерализма выразил один из виднейших деятелей Второй империи и один из основателей новой либеральной партии Эмиль Оливье. Новый либерализм представляет наибольший интерес как первая для Франции попытка (и одна из первых в Европе) соединить традиционные либеральные доктрины и новые социалистические идеи.

Изначально критика авторитарного порядка исходила от нескольких деятелей либерального течения (так называемые *Le Cinq* – «пятеро», ибо поначалу их действительно было лишь пятеро), которым удалось пройти в парламент (Законодательный корпус) на выборах 1857 г. Во главе этих «вольнодумцев» стоял молодой депутат Эмиль Оливье. Оппозиция настаивала на том, что основой благополучия империи должен стать не авторитарный порядок, но свобода: за десятилетие (1850-е гг.) общество успокоилось, теперь же пришло время укрепить стабильность свободой¹⁵. Эта идея выразила сущность предполагаемых реформ.

Либералам удалось донести свои идеи до власти и заручиться поддержкой императора. Необходимость реформ назревала в связи с новой реальностью, которая диктовала бонапартистской власти свои условия: после революции 1848 г. на политическую арену благодаря всеобщему избирательному праву вышли новые социальные группы. Политические права обрело крестьянство, именно этот класс оказал основную поддержку Наполеону III на плебисците при его приходе к власти. Начинают обретать самостоятельность рабочий класс и мелкая буржуазия, составлявшие основу республиканской партии. С их требованиями уже приходилось считаться ради сохранения порядка в государстве¹⁶. Эти группы начинают формировать свои политические объединения, основанные на совершенно новых видах идеологии: республиканской, из которой произросла социалистическая, которая, в свою очередь, отчасти восприняла коммунистические идеи; появляется первое международное объединение рабочего класса – Первый интернационал, одна из крупнейших секций которого была создана во Франции. Поэтому расстановка политических сил в начале 1860-х гг. не была столь однозначной: помимо либералов, недовольство авторитарным режимом выражали и республиканцы, возглавляемые яркими фигурами. – Леоном Гамбеттом, Анри Рошфором, Жюлем Фавром, Жюлем Симоном и др. Положение республиканцев на политическом фронте было гораздо тяжелее, чем либералов: они не были представлены в парламенте, их печатные издания подвергались преследованиям со стороны цензоров либо выходили только за границей, они никоим образом не соглашались, в отличие от либералов, идти на сотрудничество с императором – они требовали радикальных перемен, устранения бонапартистского режима.

¹⁵ *Ollivier E. L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 9. P. 242.*

¹⁶ *См.: Plessis A. De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979.*

Период реформ 1860-х гг., получивший среди современников название «либеральная империя», ознаменован социально-политическим компромиссом, когда власть впервые после десятилетия авторитарного режима протянула руку оппозиции. Поэтому наибольший интерес представляет изучение изменений, произошедших в либеральной мысли в связи с новыми социально-политическими условиями эпохи Второй империи, и отражения нового либерализма в реформах 1860-х гг.

Наиболее полноценное представление об этом течении дают произведения либеральных деятелей, прежде всего Э. Оливье. Круг проблем, охваченный Оливье и его соратниками, достаточно широк: он включает в себя взгляды на авторитарный режим, на принцип парламентаризма, отношение к революции и понятию «свобода», взгляды на политические права гражданина, социально-экономические воззрения. Представляют интерес и взгляды на реформы политических противников либералов – республиканцев и бонапартистов; они помогут обратить внимание на те положения либеральной программы, которые их оппоненты считали наиболее спорными. Все перечисленное предоставляет возможность изучить то, как либерализм смог адаптироваться к новой реальности, в какой степени он сохранил свои традиционные ценности и каким образом в нем нашли отражение события и новые идеи середины XIX в. Важно понять, насколько либеральные идеи стали передовыми для своей эпохи, ознаменовали ли они новый этап развития институтов гражданского общества во Франции или же остались всего лишь умозрительными концепциями.

Вторая часть данного исследования будет посвящена практической истории проведения реформ. Здесь необходимо проследить борьбу власти и оппозиции в ходе реформ, трансформацию их принципов и степень взаимных уступок. Эта часть ставит ряд вопросов и задач. Чьи интересы возобладали при проведении реформ – власти или ее оппонентов? Насколько оказалась осуществима либеральная программа, оправдала ли она свои требования и достигла ли цели? Как отразились результаты реформ на либеральном течении, сохранило ли оно независимость или стало новой официальной идеологией империи? Каковы были его отношения с оппонентами – республиканцами и бонапартистами? Как в итоге на политику либералов откликнулись разные социальные группы?

Признаться, было непросто свести задачи исследования к этим вполне конкретным вопросам. Вторая империя – это сложнейший узор из факторов, закономерностей и событий, сцепленных друг с другом. Это почти не вспаханное историками поле. Здесь постоянно возникает искушение охватить все сферы жизни страны в этот период – от бурного индустриального развития до осмеянной выставки ранних импрессионистов в «Салоне отверженных». Однако, преодолевая это искушение, мы сосредоточимся на недолгом, но решающем для Франции периоде реформ: ведь именно его либо вовсе обошли историки, либо он получил среди них вызывающе противоречивую оценку. И в связи с последним уже возникает вполне закономерное искушение – разобраться в событиях этого периода, вывести в свет неизвестное и привести к единому знаменателю разрозненные части. Тем более что нам стал доступен ключ к разрешению многих споров – обширный архивный материал. Задержимся ненадолго на этом пункте.

«Либеральная империя» в отражении архивов и исторических исследований

Одна из ключевых проблем, благодаря которой возрастает интерес к эпохе Второй империи, – это ее слабая изученность историками, главным образом отечественными. Причем без внимания оставалась основа исследования – архивные материалы. Или же они проходили односторонний отбор и трактовку исключительно в идеологических рамках советского периода: необходимо было представить Вторую империю как лицемерный «буржуазный реформизм», противоречащий цели пролетарской революции, как эпоху диктатуры и репрессий, надолго ввергнувшую Францию в своего рода «застой». Между тем нами был исследован относящийся к периоду «либеральной империи» архивный материал и на этой основе можно сделать более глубокие и разносторонние заключения о либеральном течении того времени, о характере бонапартистского режима, о реформах. Большинство этих документов, хранящихся в Национальных архивах Франции в Париже, не были ранее исследованы и представляются отечественному научному сообществу впервые. Солидная архивная база заставляет задуматься о переоценке деятельности либералов периода Второй империи, о новом взгляде на всю эту эпоху и политическую фигуру Наполеона III. Исследование архивов преподносит нам Вторую империю, и особенно ее последнее десятилетие, как период невероятной политической активности различных общественных сил, как поле жаркой битвы идей; создается образ великого переорождения сознания французов и французского общества, рвущегося к прогрессу, гражданской справедливости, к самоуправлению и созиданию. Это, безусловно, перечеркивает традиционный в советской историографии образ Франции времен Второй империи как подрастающего буржуазно-империалистического хищника, раздавившего остатки свободы для своего народа ради личной выгоды самодура-императора.

Документальный материал, относящийся к исследуемому нами периоду, весьма многообразен. Его можно разделить на три группы. Это прежде всего личные фонды политических деятелей Второй империи и личный архив Наполеона III. А также парламентские дебаты и выступления депутатов в Законодательном корпусе, опубликованные в официальных правительственных журналах «Journal officiel» и «Le Moniteur universel». Третий источник – это периодические издания бонапартистского, либерального и республиканского направлений.

В личных архивах политических деятелей, депутатов и министров собраны разнообразные документы: их переписка с соратниками или с императором, их записки и мемуары, тексты парламентских выступлений, брошюры, листовки, газетные вырезки. А также богатый статистический материал, касающийся предвыборных кампаний, личные впечатления от встреч с избирателями, листовки с предвыборными программами, отчеты префектов и полиции о массовых собраниях и демонстрациях¹⁷. Эти материалы содержатся в фондах деятелей различных политических партий и направлений – и бонапартистов, и либералов, и республиканцев¹⁸, и тех, чья деятельность пришлась на времена Июльской монархии и которые в эпоху Второй империи оставались лишь наблюдателями, размышлявшими над текущими событиями¹⁹.

Другая категория источников этой группы – мемуары современников. Наиболее ценным для данной работы стали мемуары идеолога либеральных реформ Эмиля Оливье «Либеральная империя»²⁰. Они представляют собой фундаментальный труд, охватывающий эпоху

¹⁷ Archives Nationales. Fonds Rouher. 45 AP 1–19. Fonds Persigny. 44 AP-16. Fonds Crémieux. 369 AP-1–3.

¹⁸ Archives Nationales. Fonds Simon. 87 AP-1–20. Fonds Favre. 244 AP-1. Fonds Rochefort. 48 AP-1. Fonds Delescluzes. 494 AP-1.

¹⁹ Archives Nationales. Fonds Guizot. 42 AP-299; Fonds Barrot. 271 AP-3–39.

²⁰ Ollivier E. L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 1–12.

в ее идеологическом, политическом и социальном аспектах. Это история либерального течения эпохи Второй империи. Это также и история преобразований конца 1860-х гг., изложенная творцом этих реформ и одним из руководителей процесса их осуществления. Оливье охватывает почти весь период империи начиная с 1857 г., когда он был избран депутатом в Законодательный корпус. Однако основное внимание уделено им либеральным реформам, их подготовке и проведению. Оливье не упускает столь важных подробностей, как полемика в парламенте между различными течениями; его собственные выступления; беседы автора с императором и его окружением; суждения о личности Наполеона III, о виднейших деятелях того времени, о своих соратниках и оппонентах. Наибольшую ценность представляют собой мысли Оливье относительно принципов построения «либеральной империи», на основании которых можно судить об эволюции либерализма в новую эпоху. Это произведение рисует столь яркую картину идейно-политической жизни Второй империи, что вполне, на наш взгляд, может быть сопоставимо с «Замогильными записками» Шатобриана в плане глубины анализа, размышлений об эпохе и ее деятелях и мастерства, с которым автор вплетает собственную судьбу в судьбу страны. Подобно «Запискам» «Либеральная империя» – это многоплановый идейный и социальный портрет эпохи и история эволюции ценностей французского либерала второй половины XIX в. Другое дело, что Оливье, конечно, не обладал литературным гением Шатобриана; он отразил свою жизнь и свои идеи не как приключения байронического скитальца, а как прагматическую и логически упорядоченную систему.

Ценность данного произведения также, бесспорно, в том, как Оливье изображает Наполеона III, своего главного оппонента, а затем союзника. Опять же здесь трудно избежать аналогии с Шатобрианом: в свое время этот аристократ, сперва с ужасом и презрением воспринявший «выскачку» и узурпатора Бонапарта, все же воздал должное его военному гению, гибкости его ума, таланту администратора и его виртуозности как политического манипулятора. Восприятие Наполеона III Оливье поразительно схоже. Вплоть до того, что Оливье готов простить Луи Бонапарту узурпацию власти ввиду его величайших заслуг перед нацией и выдающихся личных качеств – таких, как сочетание твердости воли и умения вести диалог с оппозицией. Подобная характеристика, данная Оливье, заставляет историка пересмотреть традиционное отношение его коллег к императору. Хотя, конечно же, Оливье был в немалой степени пристрастным летописцем – все-таки своей успешной политической карьерой он обязан Наполеону III.

Другое произведение Э. Оливье, «Демократия и свобода»²¹, представляет собой сборник его речей и мыслей, проектов по поводу того или иного преобразования в империи с конца 1850-х гг. до 1867 г., когда правительство окончательно приняло курс на реформы. Здесь также представлены парламентские дебаты и, что весьма важно, обращения Оливье к избирателям в период предвыборной кампании 1863 г., благодаря чему мы можем судить об отражении в либеральных идеях острых социальных проблем.

Произведения Оливье дополняют работы его соратников по либеральному течению. Собственно, в них отражены те же идеи и программы, они представляют собой тот же теоретический аспект реформ. На их основании достаточно легко прочертить основную линию либеральной стратегии, выделить пункты либеральной программы и наиболее острые вопросы, волновавшие либеральные умы в 1860-е гг.²²

Проведение реформ и, что наиболее важно, альтернативный взгляд на них, их анализ, размышления об иных вариантах путей развития Франции того периода ярко отражены в мемуарах консервативных деятелей, сторонников реакционной политики, бонапартистов. Консер-

²¹ *Ollivier E. Démocratie et liberté. Paris, 1867.*

²² *Tiers A. Discours sur la politique intérieure. Paris, 1864; Tiers A. Discours sur les libertés politiques. Paris, 1865; Darimon A. Histoire d'un parti. Paris, 1887; Darimon A. Les irréconciliables sous l'Empire. Paris, 1888; Claveau A. Souvenirs politiques et parlementaires d'un témoin (1865–1870). Paris, 1913; Du Camp M. Souvenirs d'un demi-siècle. Paris, 1949.*

вативная сторона настроена критически по отношению к либеральным идеям, однако вместе с тем в их работах прослеживается разносторонний и гибкий подход к проблеме реформ в соответствии с доктриной «либеральной империи». Среди них стоит отметить герцога де Персиньи (настоящее имя – Виктор Фиален, друг и соратник Луи Бонапарта со времен его юности, человек незнатного происхождения – сын офицера великой армии Бонапарта, также страстно верящий в вечность наполеоновской идеи и при Второй империи занимавший, благодаря таланту организатора бонапартистской пропаганды и личной преданности императору, ключевые государственные посты), бывшего председателя Государственного совета и затем сенатора Кантэн-Бошара, дипломата графа де Мони, известного журналиста, издателя и депутата Адольфа Гранье де Кассаньяка²³.

Третью точку зрения на либеральные реформы представляют мемуары республиканской оппозиции, среди которой наиболее ценным источником являются письма и речи Леона Гамбетта²⁴ – известного адвоката, защищавшего оппозиционных журналистов, в том числе Рошфора и Делеклюза, депутата-республиканца, избранного в Законодательный корпус от Марселя в 1869 г.

Архивы Бонапартов²⁵, точнее, та их часть, которая принадлежит семье Наполеона III, содержат записки императора и его переписку с родственниками и различными политическими деятелями начиная с 1840-х гг. (еще до его президентства в период Второй республики) до его смерти в Лондоне в 1873 г. Благодаря письмам мы получаем представление о теоретических воззрениях императора на социальное, экономическое и политическое устройство общества, оформившихся задолго до его прихода к власти. Письма, относящиеся к периоду реформ, содержат важнейшие для данного исследования планы императора относительно практического воплощения идей реформ, его мнение о результатах этих реформ, советы, которые он давал своим сподвижникам, как либералам, так и бонапартистам. Во многих письмах отражена острая полемика между императором, бонапартистами и либералами по поводу реформ. Наполеон III предстает перед нами не только правителем, но и мыслителем: даже после падения империи в 1871 г. он, находясь в изгнании в Англии, размышлял о прошлом и возможном будущем Франции, пытался пересмотреть свои достижения и проанализировать ошибки.

Парламентские дебаты²⁶ являются наиболее ярким и достоверным отражением борьбы политических сил и мнений, развернувшейся в конце 1860-х гг. по вопросу о способах проведения и общих целях либеральных реформ. Мы получаем представление о программах и позициях деятелей либеральной оппозиции и бонапартистов в самом начале эпохи реформ, затем можем проследить претерпела ли эта программа изменения в последующие годы и как различные политические группы восприняли результаты реформ.

Яркую картину общественно-политической жизни Второй империи рисуют периодические издания, как те, которые начали свое существование еще в предыдущую эпоху, так и те, которые появились в период реформ. Ситуация в прессе в эпоху Второй империи была непростой: безопасно чувствовали себя только проправительственные издания, либеральные журналы находились под контролем цензоров и вынуждены были придерживаться умеренных или нейтральных воззрений, республиканская пресса издавалась за границей или находилась на полулегальном положении. Несмотря на это в период реформ пресса проявила невероятную активность, публикуя различные мнения, дискуссии и анализ текущей ситуации; высказыва-

²³ *Duc de Persigny. Mémoires. Paris, 1896; Quentin-Bauchart. Etudes et souvenirs sur la Deuxième République et le Second Empire. Paris, 1902. Vol. 2; Comte de Maugny. Souvenirs du Second Empire. Paris, 1881; Granier de Cassagnac A. Souvenirs du Second Empire. Paris, 1881. Vol. 2.*

²⁴ *Gambetta L. Discours et plaidoyers politiques. Paris, 1881. Vol. 1; Gambetta L. Lettres. Paris, 1938. См. также: Allain-Targé H. La République sous l'Empire. Paris, 1939.*

²⁵ Archives Nationales. Archives Bonaparte. 400 AP-44, 52, 54.

²⁶ Journal officiel. 1869–1870; Rapports du gouvernement avec Le Moniteur. 1867–1870.

лись как известные политики и мыслители, так и журналисты. Пресса отразила разностороннее видение острейших социально-политических вопросов конца 1860-х гг. Периодические издания содержат также и немало фактического материала – данных о результатах выборов и плебисцита, об экономической ситуации в стране. Это главным образом издания либерального или либерально-консервативного направления, начавшие существование еще в эпохи Реставрации и Июльской монархии («L'Opinion nationale», «L'Avenir national», «Le Siècle», «Le Temps», «Revue des deux mondes», «L'Illustration», «Le Gaulois», «Le Progrès», «L'Illustration»), а также республиканская пресса – скандально известный «La Lanterne» (его главным редактором и основным автором был Анри Рошфор, долгое время вынужденный жить в эмиграции из-за активного участия в республиканских выступлениях. Журнал отличился острой сатирой на бонапартистское правительство и реформы, преподнесенной живым и доступным массовому читателю языком) и социалистический журнал «Le Reveil», издававшийся Шарлем Делеклюзом в Швейцарии, поскольку он был запрещен во Франции даже в период реформ как «красная угроза».

Одна из ключевых проблем в исследовании Второй империи в целом и либеральных реформ в частности – это историография. Либеральная мысль того времени до сих пор не рассматривалась историками как самостоятельное идейное течение. Такой подход представляется необоснованным, поскольку либеральные деятели того времени оставили после себя многотомные труды, в которых изложили свои воззрения. Что касается истории проведения и результатов реформ, то историография либо вовсе пренебрегала этой проблемой, либо отражала ее достаточно поверхностно.

Прежде всего вызывает недоумение невнимание историков к периоду Второй империи и к Наполеону III или оценка его как исключительно деспотического правителя, не сделавшего никаких прогрессивных шагов в истории страны. Это тема отдельной и более масштабной и глубокой работы. Сейчас же только следует отметить, что он и его время были либо незаслуженно забыты, либо подверглись неадекватному толкованию. В частности, серьезные сомнения вызывает отрицание того факта, что в эпоху Второй империи французская либеральная мысль продолжила жить и развиваться; а также убежденность многих исследователей в том, что период «либеральной империи» прошел для страны бесследно и никоим образом не изменил политические и социальные институты Франции. Во многом причиной такой оценки стала непродолжительность периода реформ (менее трех лет) и поспешность их проведения, а также то, что на пике реализации либеральной программы Франция потерпела поражение в войне с Пруссией, что привело к падению бонапартистской власти и формированию режима республики. Этот взгляд весьма механистичен: во-первых, богатейший документальный материал, относящийся именно к периоду реформ, явно указывает на их продуктивность и серьезное значение в жизни общества; во-вторых, революция, произошедшая во Франции в 1871 г., не сопоставима по масштабам и глубине с революцией 1789 г. – она не ставила своей целью радикальную ликвидацию прежних порядков, речь шла лишь о замене конституционной монархии на конституционное президентство. Эта революция всего лишь «снесла верхушку», мало коснувшись ствола и корней, ибо демократические институты во Франции были на то время весьма прочны благодаря почти вековой работе. Свой вклад в строительство этих институтов внесла и эпоха Наполеона III.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.